

Любовь, опаленная войной

На белорусской земле танкист Мария мстила фашистам за гибель мужа и разрушенное счастье

История эта началась в 1925 году в Симферополе. Бравый кавалерист Илья Федотович Ряденко, за год до того взявший фамилию Октябрьский, повстречался с красавицей Марией Гарагулей. Влюбленные поженились 22 декабря, и их счастье продолжалось до самой войны.

В столицу Крыма они попали разными путями.

Илья в Гражданскую воевал в бригаде Котовского и получил от него направление в Симферопольскую кавалерийскую школу. В 1921-м вступил в партию, в 1922-м окончил учебу и остался служить политруком в местном гарнизоне.

Мария родилась в 1902 году в деревне Кият близ Джанкоя. Родители ее – Василий Иванович и Анна Митрофановна – были переселенцами-арендаторами; их привезли на место татар, во время Крымской войны депортированных в Турцию. Трудно давался хлеб в безводной солончаковой степи, а семья росла: к 1919 году, когда мать умерла от тифа, детей было десятеро – пять мальчиков и пять девочек. Мария по счету вторая. Осиротевшую детвору отец отвез в Джанкой к теткам. Младшую Евдокию (Дусю) удочерили сестра отца Дарья Ивановна Шёлкова и ее муж Яков Аркадьевич. Мария вскоре уехала в Симферополь, работала сперва на консервном заводе, затем телефонисткой.

Тут-то и повстречался ей плечистый, статный чернобровый Илья Октябрьский, безропотно принявший ее со всеми достоинствами и недостатками: бездетностью и болезнью, веселостью, взбалмошностью и одержимой страстью к нарядам. Илья заменил ей весь мир, а она стала ему верной и надежной боевой подругой.

В Крынках восемь мемориалов, в том числе два памятника Марии Октябрьской

С юных лет Мария страдала туберкулезом шейных позвонков. Подолгу лечилась в Саках, в знаменитом военном санатории имени Пирогова в 60 километрах от Симферополя. В 1927 году знаменитый хирург Пирогов обнаружил научный труд, в котором доказал, что сакские грязи от туберкулеза не помогают. Перепробовала другие санатории, но толку от них было не больше.

Кто-то на ее месте замкнулся бы в себе, слег бы и угрюмо дождался паралича. Только не Мария! В какой бы гарнизон их ни бросала судьба, везде она становилась заводилой, самым активным членом женсовета, закоперщицей патриотических вечеров, кружков, лекций и спортивных состязаний.

Командирские жены в ту пору не работали. Им полагалось вслед за мужем переезжать из гарнизона в гарнизон: из Симферополя в Бердичев, оттуда в Новоград-Волынский, затем в Изяслав, а после в Котовск и Кишинев. У многих были домработницы. А женам оставалось лишь заниматься детьми и собственной красотой.

«Эти люди были беспредельно преданы Родине».

У Марии с Ильей детей не было, и дни она заполняла общественной работой, вышиванием и спортом. Бросала гранату. Толкала ядро. Метала диск. Одержимо увлекалась стрельбой.

Еще в Сакском санатории, т. е. в середине 1920-х годов, она вступает в стрелковый кружок и получает грамоту от командования «В ТОМ, ЧТО ОН (! – Авт.) НА ИТОГОВОМ САНАТОРНОМ СОРЕВНОВАНИИ ИЗ МЕЛКОКАЛИБЕРНОГО ОРУЖИЯ винтовки НА ДИСТАНЦИИ МЕТРОВ 50 ДО МИШЕНИ № 6, СДАВ ИЗ 15 – 12 ВОЗМОЖНЫХ ОЧКОВ...» (орфография и пунктуация здесь и далее сохранены. – Авт.). Запись обрывается на полуслове, но понятно, что уже тогда она добивалась в стрельбе впечатляющих успехов.

Мария и Илья Октябрьские. 1929–1930-е годы. Редкая фотография хранится в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны

В Бердичеве 8 марта 1933 года ей выдают свидетельство о том, что она из возможных 50 очков выбила 48. Освоив в совершенстве малокалиберку, Мария переключилась на пулемет, а в 1939-м окончила автошколу, получив специальность шофера. Курсы первой медицинской помощи она одолела еще в 1929 году в Бердичеве, показав на экзамене достаточное усвоение всех преподаваемых предметов.

Вдобавок, не состоя в партии, она была образцовым бойцом идеологического фронта, за что ей не раз на самом высоком уровне объявляли благодарность. В одном из сохранившихся приказов ее именуют Тамарой, но это не должно нас удивлять. Свое имя она не любила, муж в письмах называл ее исключительно «Тамара», «Томик», и это придуманное имя порой проникло даже в официальные документы.

При всех мужских качествах своего характера Октябрьская была «женщиной, слишком женщиной». Покупала себе красивые вещи. Разъезжала по санаториям. Сохранилась выданная ей в 1929 году справка о том, что «она действительно является женой Отсекара Див. Парт. Комиссии 14 кав. (ответственного секретаря дивизионной партийной комиссии 14-го кавалерийского полка. – Авт.) и следует на санаторное лечение в город ОДЕССА».

К справке прилагались бесплатные проездные документы туда и обратно.

Но счастливая и беспечная жизнь не могла продолжаться вечно. В 1938 году Илье пришлось распрощаться с кавалерийской дивизией, где служил с 1922 года. Его направили политруком батальона в 134-й гаубичный артполк резерва Верховного Главнокомандования, формировавшийся в городе Котовске Одесской области. Переводу на новое место предшествовало радостное событие – награждение юбилейной медалью «XX лет РККА».

Здесь Октябрьские познакомились с 25-летним комиссаром Василием Гирявенко, который вскоре женился на Евдокии, младшей сестре Марии. «Жил я в одной квартире с Октябрьскими, – напишет он полвека спустя. – Отлично знал М.В. Октябрьскую кук неутомимую общественницу, художницу, физкультурницу и т.д. Эти люди были беспредельно преданы Родине. На личные жизненные вопросы у них почти не оставалось времени. С 1938 года И.Ф. Октябрьский ни одного раза не был в отпуске».

Отдыхать и вправду было некогда. В ноябре 1939 года 134-й гаубичный артполк в составе 7-й армии занял оборонительные позиции на Карельском перешейке. А 26 ноября после полудня фин-

ны обстреляли СССР из тяжелых орудий. Гаубицы 134-го полка нанесли ответный удар 30 ноября в 8.30 утра. За три с половиной месяца боев 7-я армия потеряла убитыми и ранеными 99 919 человек – 59 % от первоначального списочного состава.

Политруки Октябрьский и Гирявенко сумели выжить на этой страшной войне. За мужество при взятии Выборга оба удостоились ордена Красной Звезды.

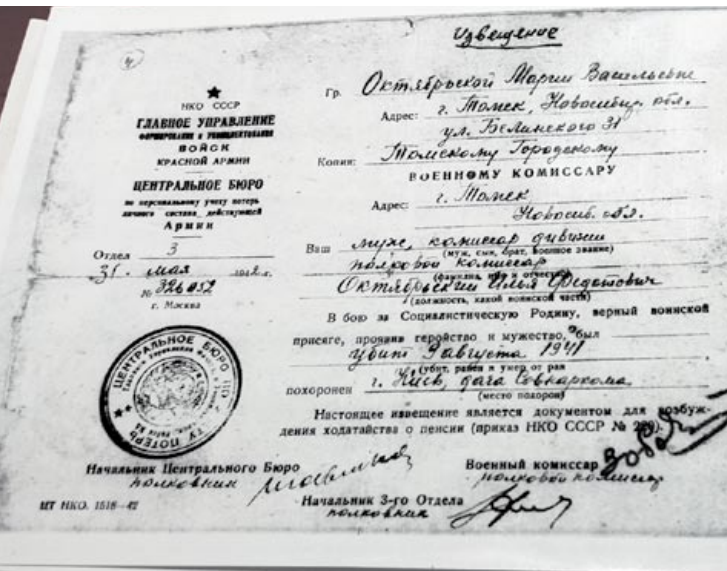
Короткая побывка с семьей. А 28 июня 1940 года 134-й гаубичный артполк уже пересекал границу Бессарабии. По завершении пятнадцатидневного освободительного похода полк расквартировали в Кишиневе. До начала Великой Отечественной войны оставалось совсем немного. Знал бы об этом Октябрьский, уезжая в январе 1941-го в Москву на академические курсы политсостава! К середине лета он должен был вернуться домой, Мария и Дуся оставались на попечении Гирявенко.

Илья Федотович писал жене по несколько писем в день. Наставлял, воспитывал: «Я очень рад что вы так весело провели праздник 8-го марта... Это очень хорошо, что вечеров много. Но эти вечера веселье должно быть направленно на повышение боевой подготовки, а то что ты писала после праздника красной армии, то хорошего пока не так много». Ласково поругивал за небрежность: «Тамара я тебя наверное сто раз просил чтобы ты аккуратно писала письма ты другой раз так не аккуратно пишешь что просто мне становится не хорошо. Клочки бумаги, почти без адреса... Если тебе Тамара надоедает часто писать, то пиши реже но чтобы это письмо было похоже на письмо, а то его приходится разыскивать, ты почти пишешь адрес так, „Москва моему дедушке“ а дедушек в москве много».

Радовался, что разлука скоро закончится и они вновь обнимут друг друга. Но встретиться на этом свете им было не суждено.

На рассвете 22 июня Кишинев содрогнулся от взрывов. Евдокия с новорожденным сыном на руках кинулась к окну. «Вдруг это немцы?» – охнула Мария. В тот же день Гирявенко сумел усадить ее, Дусю и плачущего Юрика в эшелон, уходящий на восток. «Зачем столько вещей?» – изумлялся он, перетаскивая в штабной автомобиль бесчисленные узлы и чемоданы.

Похоронка пришла в августе 1942-го, ровно через год после гибели Ильи Федотовича

Сам он в составе 95-й стрелковой дивизии остался защищать Кишинев. Войска покинули город и закрепились у Тирасполя 16 июля. Здесь его застало письмо от Ильи: «напиши нет ли у вас Октябрьской то прошу сообщить ее адрес. А если ты там то прошу срочно сообщить адрес, буду слать тебе денги и вышлю аттестат». Аттестатом в ту пору именовался документ, по которому эвакуированные жены красных командиров получали довольствие от государства.

Но Мария уже была далеко. Харьков, Валуйки, Курск, Москва, Новосибирск... Возможно, она пыталась разыскать мужа в Москве, но тот сражался с немцами под Киевом. А 9 августа – в тот день, когда поезд прибыл в Томск, – полковой комиссар, военком 206-й стрелковой дивизии погиб.

Аттестат нагнал Марию гораздо быстрее, чем похоронка. Сохранилась справка о том, что Октябрьская Мария Васильевна получала в Томском горвоенкомате по аттестату мужа ежемесячно 1000 рублей. Но ни туберкулез, ни статус жены комиссара не освобождал ее от трудовой повинности. Осенью пришла повестка, и она была вынуждена, сбиваясь с ног от усталости, таскать шлак для утепления чердаков строящихся домов. Спас ее вернувшийся с фронта Гирявенко. Искалеченный под Одессой, он добился назначения в Первое Томское артиллерийское училище и взял Марию телефонисткой.

«Танк прошу назвать Боевая подруга и направить меня на фронт в качестве водителя...»

Похоронку, пришедшую в конце лета 1942 года, она восприняла стоически. Три дня без слез, без жалоб пролежала в постели и вернулась на работу. Утешение находила в рассылке писем на фронт, в вышивании кисетов для солдат. Потом стала обивать порог военкомата. Доказывала, что умеет стрелять, водить машину, ухаживать за ранеными. На нее смотрели прозрачными глазами и заверяли: «Не волнуйтесь, вас вызовут, когда будете нужны».

И вдруг Мария прочла в газете, что работницы Свердловской хлебомакаронной фабрики вскладчину купили танк, чтобы помочь одной из них отомстить за убитого брата. «Всего-то 50 тысяч руб-

К «Боевой подруге» Мария Васильевна относилась с нежностью, как к живому существу. Осень 1943 года, окрестности Нового Села Лиозненского района

лей!» – с изумлением думала она. А в голове уже прокручивался план, как она продаст барахло (ковры и прочее), которое они зачем-то тащили из Кишинева, и этого как раз хватит для покупки Т-34.

Сказано – сделано. Мария вносит деньги в Госбанк и в тот же день, 19 февраля 1943 года, направляет телеграмму Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович в боях за родину погиб мой муж – полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович тчк За его смерть за смерть всех замученных фашистскими варварами хочу отомстить фашистским собакам зпт для чего внесла в Госбанк на построение танка все свои личные сбережения пятьдесят тысяч рублей тчк Танк прошу назвать Боевая подруга и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка тчк Имею специальность шофера зпт отлично владею пулеметом являюсь Ворошиловским стрелком тчк Шлю Вам горячий привет и желаю здравствовать долгие долгие годы на страх врагам и на славу нашей родины тчк Октябрьская Мария Васильевна город Томск Белинского 31».

Имя для танка она позаимствовала у свердловчанок, из-за чего сегодня малосведущие блогеры впадают в ступор: каким образом «Боевая подруга» отметилась у рейхстага, если известно, что для танка Октябрьской война закончилась в Кёнигсберге?

Но, в отличие от девушек из Свердловска, Мария не стала формировать экипаж. Весь смысл для нее был в том, чтобы самолично мстить проклятым фрицам, и Сталин ее в этом поддержал. Буквально через несколько дней пришел ответ из Кремля:

«Тов. ОКТЯБРЬСКОЙ Марии Васильевне

Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено.

Примите мой привет.

И. Сталин».

На следующий день Октябрьская проснулась знаменитой. Все газеты публиковали выдержки из ее письма. Даже эвакуированная в Москву «Советская Беларусь» напечатала их 10 марта в переводе на белорусский язык. Заметка называлась «Учынак патрыёткі».

Томский военком воспринял ответ Сталина как приказ. В кратчайшие сроки Марию направляют учиться водить танк.

«Будем бить немецких гадов и дальше, сколько хватит сил, пока не добьем их до конца».

И 3 мая 1943 года она прибывает на железнодорожную станцию Берчогур, затерянную в Актюбинской степи, а оттуда в поселок Шахстрой, где дислоцировалось Осиповичское военное училище, в начале войны оборонявшее Бобруйск, затем эвакуированное в Камышин и называвшееся теперь Камышинским. Оно готовило кадры танкистов для Западного фронта. А 25 июля училище переехало в Омск поближе к заводу № 174, где производилась особая, омская разновидность танков Т-34. Щеголеватый, «навороченный» танк был чем-то похож на саму Октябрьскую: с командирской башенкой на башне и пушечными портами.

Из Омска она писала Васе и Дусе: «Мне обком партии Новосибирска выслал 50 килограмм высококачественной бумаги и карандашей, но я не получила и писать не наче. Ко мне было отношение ужасное но когда я командиру написала что, муж Комиссар дивизии и два сына – артиллеристы, которые погибли, он прислал капитана подобрать экипаж, затем майора

обмундировать экипаж, полковника прислал члена военного совета все проверить и отправить. Я одета как сказка все роботы в военторге отставлены и шили мне офицерскую шинель габардиновый костюм шевровые сапоги и т.д. теперь мне остается бить только фрицев».

Насчет сыновей она приврала, да и насчет комиссара дивизии слегка преувеличила: Илья Федотович выше полкового комиссара в звании не вырос.

Мария Васильевна торопилась. Ее мечтой было успеть к освобождению Киева и, если повезет, штурмовать на своем танке оккупированные дачи Совмина УССР, где похоронен Илья Федотович. Освобождение могилы любимого было бы, как она считала, достойным завершением романтической и яркой истории их любви. Но вышло иначе. Местом службы ей определили 26-ю Гвардейскую танковую Ельненскую бригаду 2-го Гвардейского танкового Тацинского корпуса, дислоцированную южнее Витебска.

Командиром экипажа «Боевой подруги» назначили младшего лейтенанта 24-летнего Петра Чеботько. Первый орден Красной Звезды он получил еще в финскую кампанию, воевал под Москвой и Сталинградом и теперь после очередного ранения возвращался на фронт. Гвардии сержант Мария Октябрьская выполняла обязанности механика-водителя, гвардии сержанты 24-летний Геннадий Ясько и 21-летний Михаил Галкин были необстрелянные, но показали себя в первых же боях настоящими героями.

Считается почему-то, что «Боевая подруга» прибыла в часть в конце октября 1943 года, но сохранившиеся документы показывают, что это случилось несколько раньше. Вполне возможно, что уже 9 октября Мария Васильевна со своими боевыми друзьями участвовала во взятии Лиозно. По крайней мере, 26 октября фронтовой корреспондент газеты Западного фронта «Красноармейская правда» Зиновий Рувинский, публиковавшийся под псевдонимом Гаенко, пишет ей как старой знакомой: «Милая Мария Васильевна! Просьбу Вашу выполняю, но немного позже, когда снимок будет напечатан в газете. Пошлю снимок, и вырезку – так будет лучше. Правда? Следите за «красноармейской правдой», за отделом «по дорогам войны» (на 4-й странице). Как живёте, как чувствуете себя? Напишите. Буду рад. Привет и самые

лучшие пожелания Вам, Ясько, Галкину, и Чебатько. Как только побываете в бою, напишите об этом в нашу газету. Крепко жму руку».

Ответ Октябрьской сохранился в виде вырезки из газеты: «Я уже получила боевое крещение. Хожу с друзьями в атаки на врага, а когда враг переходит в контратаки, мы их отбиваем, да так, что от фрицев клочья летят. Это только начало. Будем бить немецких гадов и дальше, сколько хватит сил, пока не добьем их до конца».

К ее досаде, события развертывались со скоростью черепахи. Сорок один день понадобился 26-й танковой бригаде, чтобы одолеть 12 километров от Лизно до Нового Села. Продвижение войск за это время составляло не более трехсот метров в день. И буквально на каждом метре – бои местного значения с целью хотя бы немного продвинуться к Витебску. Сил для решающего прорыва пока не доставало. Основные удары Красной армии в этот момент были сосредоточены на других направлениях. Тем больше впечатляет мужество и стойкость советских бойцов.

«Здесь, в Крынках, почти девять месяцев стоял фронт».

Необыкновенный героизм проявила Мария Октябрьская 18 ноября 1943 года на подступах к Новому Селу. Как записано в ее наградных документах, «ОКТЯБРЬСКАЯ первой ворвалась на своем танке в оборону противника, где гусеницами танка уничтожила одно ПТО и до 30 солдат противника. В этом бою танк т. ОКТЯБРЬСКОЙ огнем противника был выведен из строя, а сама была ранена. Несмотря на ранение она не оставила своего танка и в течение трех дней находясь в осаде под непрерывным артогнем противника – восстановила танк и возвратилась в часть».

В другом наградном листе читаем, что она «находилась в осажденном танке 2-е суток и отражала

Свой экипаж Октябрьская называла «мои сыны». В первом ряду: гвардии лейтенант Петр Чеботько, Мария Октябрьская, во втором – гвардии сержанты Михаил Галкин и Геннадий Ясько. 1943 год

яростные атаки противника и только после эвакуации танка с поля боя ушла в медсанвзвод».

Тем временем бригада получает новый приказ: двигаться дальше на восток.

А 26 декабря 1943 года Совинформбюро сообщило: «Юго-восточнее Витебска наши войска, в результате ожесточённых боёв прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника. Немцы пытались удержаться на промежуточном рубеже по западному берегу реки Лососина. Советские бойцы сломали сопротивление врага, форсировали реку и заняли ряд населённых пунктов на ее западном берегу. Наши войска овладели также железнодорожной станцией Крынки».

Среди первых танков, ворвавшихся на станцию, была «Боевая подруга». Но совхоз «Крынки» в том бою не был освобожден. Он оставался под немцами ровно полгода.

– Здесь, в Крынках, почти девять месяцев стоял фронт, – рассказывает Василий Купченок, учитель истории Крынковской средней школы имени М.Т. Лынькова, а по совместительству руководитель школьного музея. – Линия обороны проходила прямо по территории нынешнего агрогородка.

Население отсиживалось в лесах, в холодных землянках. Кто мог, уходил в тыл.

Лишь 23 июня 1944 года с началом операции «Багратион» советским войскам удалось выбить немцев с высоток у совхоза «Крынки» и 26 июня освободить Витебск.

«„Боевая подруга“ сгорела примерно в той точке, где находится сейчас наша школа».

Я смотрела на эти высотки в снежном мареве – в этот день над Витебщиной бушевала метель, – и представляла себе последний бой Марии Октябрьской. В документах его дата указывается по-разному – 17 либо 18 января 1944 года. Возможно, сражение длилось два дня. Перед войсками была поставлена задача овладеть совхозом «Крынки». Октябрьская ринулась в бой, раздавила два вражеских артиллерийских орудия и три пулеметные точки – всего около 20 солдат и офицеров, – но из-за повреждения гусеницы вынуждена была остановиться.

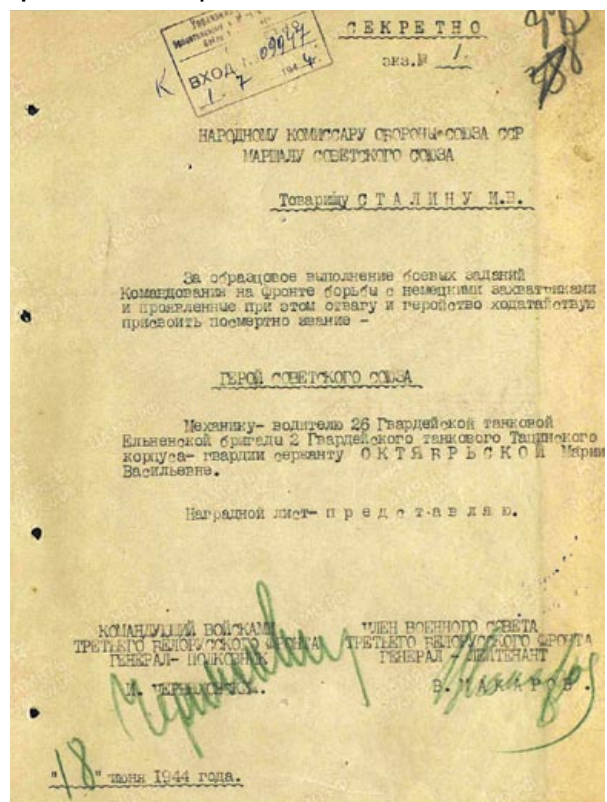
Вместе с экипажем она выбралась из танка, чтобы произвести необходимый ремонт. По утверждению Гирявенко, танк был командирский (это неверно), но Чеботько действительно в том бою не участвовал. Его место занял заместитель командира бригады подполковник Фомин, который перед самым началом атаки вышел из танка, поэтому «Боевую подругу» ремонтировали втроем. «Галкин заменял битые траки, – пишет Гирявенко в 1984 году в своем письме в ЦК КПСС, – должен был соединить их специальными гусеничными пальцами, Октябрьская короткими рывками машины способствовала соединению траков, Ясько подавал команды водителю. Время шло. Нужно было ускорить ремонт. Поэтому Ясько сел за рычаги, Октябрьская вышла из танка и подавала команды Ясько. Две вражеские мины разорвались рядом. Галкин спрятался за танк, Октябрьская была смертельно ранена».

Мария Васильевна получила тяжелейшее ранение в глаз. Ее пытались спасти, отправили сначала во фронтовой лазарет, а 16 февраля – в нейрохирургический госпиталь в Смоленске, где ей сделали операцию. Но все усилия оказались бесполезны, и 15 марта Мария Октябрьская скончалась.

Командир 2-го Гвардейского танкового Тацинского корпуса гвардии генерал-майор танковых войск Алексей Бурдейный 30 января 1944 года представляет Октябрьскую к ордену Отечественной войны II степени. С особой проникновенностью суровый боевой командир повествует о том, как любовно заботилась Мария Васильевна о «Боевой подруге». «Ее танк не имел вынужденных остановок и поломок», – подчеркивает он.

Спустя три месяца после кончины Октябрьской, 18 июня 1944 года, командующий войсками Третьего Белорусского фронта генерал-полковник Иван Черняховский и член военного совета генерал-лейтенант Василий Макаров обращаются с секретным ходатайством к народному комиссару обороны Союза ССР маршалу Советского Союза товарищу Сталину о присвоении ей звания Героя Советского Союза. Соответствующий указ Президиум Верховного Совета СССР принимает 2 августа.

Звание Героя Советского Союза Марии Октябрьской присвоил лично Иосиф Сталин

Учитель истории Крынковской средней школы имени М.Т. Лынькова Василий Купчѐнок собрал в школьном музее немало реликвий, отображающих жизненный и боевой путь Марии Октябрьской

Люк от танка Т-34 «Боевая подруга», на котором воевала Мария Октябрьская, – главный экспонат музея в Крынках

Прах гвардии сержанта танковых войск Марии Васильевны Октябрьской захоронен у кремлевской стены, но не московской, а смоленской. Члены экипажа, провожая своего боевого друга в последний путь, поклялись ей, что будут воевать на «Боевой подруге» до самой победы. Но сохранить ее машину им не удалось.

– «Боевая подруга» сгорела примерно в той точке, где находится сейчас наша школа, – рассказывает Василий Купчѐнок.

Но была и вторая, и третья, и четвертая машина, носившая то же имя, и всякий раз она вручалась экипажу как именной танк. В составе 26-й Гвардейской танковой Ельнинской бригады ее сыны, как их иногда называла Октябрьская, освобождали Минск и невредимыми дошли до Кѐнигсберга.

Любопытно, что 26-я бригада до войны дислоцировалась в Минске, и ее бывшие бойцы долгое время сохраняли тесную духовную связь с Беларусью. Сохранилась открытка, которую в 1975 году Петр Чеботько прислал ветеранам и ученикам Крынковской школы. Документы Октябрьской – пусть даже в копиях, но снятые непосредственно с оригиналов, – есть в тамошнем школьном музее. А средняя школа имени М.В. Октябрьской городского поселка

Лиозно поддерживает связь с родственниками Марии Васильевны, живущими ныне в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Чебоксарах, Сургуте и других российских городах.

Тем не менее до последнего времени документов легендарной женщины и танкистки Марии Октябрьской в музеях страны было до обидного мало. Тем драгоценнее редкая фотография из фондов Государственного музея Великой Отечественной войны. На ней запечатлены Мария Васильевна и Илья Федотович Октябрьские в 1929–1930-х годах, в пору их неземного счастья. Красивые, любящие, немного церемонные, как было принято тогда, похожие в своей одухотворенности, жажде жизни и любви. Фашизм их не пощадил, а героическая гибель обессмертила. И пусть далеко друг от друга их могилы, на небесах они неразлучны – Мария и Илья, Илья и Мария.

Юлия АНДРЕЕВА

**Фото Александра ХИТРОВА,
из архива Белорусского государственного музея
истории Великой Отечественной войны**

■ Проект создан за счет средств целевого сбора на производство национального контента